

ИЗЪ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СКОПЧЕСТВА

Начальный период истории скопчества представляет собой темную область. До сих пор в научном обороте не было материалов, которые относились бы к этому периоду истории ереси. Вот почему многие вопросы начальной истории скопчества даже и теперь еще являются совершенно открытыми. Правда, ученые исследователи скопчества обыкновенно касаются в своих трудах начальной истории ереси, но они излагают ее на основании позднейших документов, и при том часто таких, в которых трудно отделить историческую правду от вымыслов болтливой фантазии. Точного и строго научного исследования раннейшего периода скопческой ереси до сих пор еще не было, так как не было известно документальных данных, касающихся этого момента ее истории.

Но в настоящее время открывается возможность осветить и этот темный период истории скопчества. Нам удалось найти архивные материалы, относящиеся именно к этому первичному моменту истории ереси, каковые материалы дают полную возможность подвергнуть вопрос о возникновении и первоначальном распространении скопческой ереси всестороннему и строго научному исследованию.

Найденные нами документы относятся к 1772 году и представляют собой следственное дѣлопроизводство по поводу появления в предѣлах нынѣшней Орловской губернии скопческой ереси, для обозначения которой тогда еще не было особаго названія, и которая пока еще именовалась „нѣкоторой новаго рода ересью“. Следовательно, эти документы имѣют непосредственное отношеніе къ первому судебному процессу о скопцахъ, бывшему въ 1772 году, и такимъ образомъ заключаютъ въ себѣ самые начальные факты истории скопчества.

Слѣдствіе о скопцахъ началось въ Орловскомъ Духовномъ Правленіи. 25-го Апрѣля 1772 года попъ села Никитскаго, Орловскаго уѣзда, Петръ Тимофеевъ донесъ Духовному Правленію, что его прихожанка, крестьянка деревни Масловой, Дарья Степанова Маслова сообщила ему, что въ той же деревни однодворцы: Петръ Васильевъ Масловъ и сынъ его Михайла Петровъ, а также и Кондратій Парфеновъ Масловъ, неизвѣстно для чего или, можетъ быть, по какой либо ереси, сами себя подвергли оскопленію. Духовное Правленіе немедленно приступило къ разслѣдованію возбужденнаго попомъ Тимофеевымъ дѣла. Слѣдствіе продолжалось немного болѣе двухъ мѣсяцевъ, и въ результатъ въ Духовномъ Правленіи образовалось обширное *дѣло о скопцахъ*, которое заключало въ себѣ болѣе трехсотъ листовъ.

Когда слѣдствіе въ Духовномъ Правленіи было уже почти закончено, въ Орель, по Именному Высочайшему указу, прибылъ полковникъ Александръ Волковъ, которому повелѣвалось произвести разслѣдованіе о той же новоявленной ереси. Такъ какъ высшей правительственной власти, очевидно, не было достовѣрно о томъ, что слѣдствіе объ этой ереси уже производится Духовнымъ Правленіемъ, то полковнику Волкову вмѣнялось въ обязанность прежде всего узнать, ведется ли какое либо разслѣдованіе о новой ереси или нѣтъ, и если ведется, то гдѣ производится; а затѣмъ, если бы оказалось, что слѣдствіе уже производится, полковнику Волкову предписывалось „истребовать къ себѣ сіе дѣло“ и, ознакомившись съ нимъ, произвести разслѣдованіе въ томъ направленіи, которое давалось въ Именномъ Высочайшемъ указѣ.

Полковникъ Волковъ явился въ Орель 17 Іюля, и въ тотъ же день имъ было отправлено въ Духовное Правленіе требованіе о присылкѣ къ нему нужнаго для него *дѣла*, а также и содержащихся по этому дѣлу разнаго званія людей. Духовное Правленіе препроводило Волкову, какъ *дѣло*, такъ и участниковъ ереси 19 Іюля 1772 года. Къ этому же дню полковникъ Волковъ успѣлъ организовать по силѣ того же Высочайшаго указа, для исполненія возложеннаго на него порученія особую Комиссію, въ составъ которой, кромѣ него, полковника Волкова, вошелъ еще Воеводскій Товарищъ артиллеріи капитанъ Иванъ Тиньковъ. Секретаремъ Комиссіи былъ назначенъ Василій Арбузовъ. 19-го Іюля, въ 7 часовъ утра, Комиссія уже приступила къ своимъ занятіямъ.

Занятія Комиссіи продолжались недолго, всего 9 дней. Засѣданія ея происходили отъ 7 часовъ утра до 2 часовъ дня, при чемъ секре-

таремъ Комиссіи Арбузовымъ велись подробныя протокольныя записи этихъ засѣданій.

Комиссія прежде всего занялась разсмотрѣніемъ дѣла, присланнаго изъ Духовнаго правленія. На чтеніе и слушаніе его она употребила цѣлыхъ три засѣданія. Слѣдствіе, произведенное Духовнымъ Правленіемъ, оказалось настолько обстоятельнымъ, что Комиссіи почти совѣмъ не пришлось производить дополнительныхъ разслѣдованій по тѣмъ пунктамъ, которые уже были выяснены Духовнымъ Правленіемъ. Только въ двухъ случаяхъ Комиссія сочла нужнымъ сдѣлать дополнительные допросы нѣкоторымъ главнымъ дѣятелямъ ереси. Въ остальномъ же слѣдствіе, произведенное Духовнымъ Правленіемъ, было, очевидно, признано Комиссіей вполне достаточнымъ.

Разсмотрѣвъ дѣло Духовнаго Правленія, Комиссія произвела небольшое дослѣдованіе относительно лицъ, неотысанныхъ и недопрошенныхъ Духовнымъ Правленіемъ, раздала подъ росписки заинтересованныхъ лицъ большинство привлеченныхъ къ отвѣтственности участниковъ ереси, оставивъ подъ арестомъ наиболѣе видныхъ дѣятелей скопчества, и, затѣмъ, надъ этими оставшимися произнесла судебный приговоръ.

Занятія Комиссіи составили особое канцелярское дѣло, которое явилось собственно продолженіемъ и завершеніемъ дѣла, начатаго въ Духовномъ Правленіи. Дѣло Духовнаго Правленія было такимъ образомъ первою частью скопческаго судебного процесса 1772 года, а дѣло Комиссіи—его второю частью.

Не входя въ разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ при изученіи найденныхъ документовъ, въ настоящемъ очеркѣ мы остановимъ свое вниманіе только на нѣкоторыхъ изъ нихъ. На основаніи вновь открытыхъ документовъ, мы попытаемся вкратцѣ дать рѣшеніе слѣдующимъ вопросамъ: а) *кого нужно считать основателемъ скопческой ереси; б) какимъ образомъ могла появиться мысль о физическомъ оскпленіи и когда возникли эти ересь; в) кто былъ въ дѣйствительности Кондратій Селивановъ, котораго принято считать родоначальникомъ скопческой ереси.**)

---

*) Подробное изслѣдованіе начального періода исторіи скопчества на основаніи найденныхъ нами архивныхъ матеріаловъ, а равно и самые матеріалы въ скоромъ времени выйдутъ въ отдѣльномъ изданіи.

I.

Еще въ 1845 году Н. Надеждинъ въ своемъ „Исслѣдованіи о скопческой ереси“, говоря о личности основателя скопчества, замѣтилъ, что „на этомъ лицѣ преимущественно лежитъ глубокій мракъ“ и что „объ немъ въ точности неизвѣстно, не только какого былъ онъ званія и происхожденія, но и какъ назывался“. ¹⁾ Эти слова перваго изслѣдователя скопческой ереси сохраняютъ свою силу и до настоящаго времени. Но несмотря на возникновеніе обширной литературы, посвященной изслѣдованію скопчества, вопросы о томъ, кто былъ „начинщикомъ“ этой ереси, какъ звали его и какова была его фамилія, къ какому званію принадлежалъ онъ и откуда происходилъ—и до сего времени остаются совсѣмъ неразъясненными.

Въ послѣднее время, повидимому, прочно установилось мнѣніе, что основателемъ скопчества былъ Кондратій Селивановъ, хотя по признанію новѣйшихъ ислѣдователей, это не соответствуетъ дѣйствительному имени и фамиліи основателя скопческой ереси, что „это имя и фамилію можно только прилагать къ нему, какъ условленный знакъ“, не болѣе, ²⁾ вопроса же объ его званіи и происхожденіи эти изслѣдователи совсѣмъ даже и не касаются. ³⁾

Въ настоящее время, на основаніи найденныхъ нами документовъ, можно опредѣленно сказать, кто положилъ начало скопческой ереси. Ея „начинщикомъ“ былъ бѣглый крестьянинъ бывшей вотчины генерала Степана Феодоровича Апраксина. села Брасова, Сѣвскаго уѣзда, Орловской губерніи, *Андрей Ивановъ Блохинъ*.

Это обнаруживается прежде всего изъ слѣдственнаго дѣлопроизводства Орловскаго Духовнаго Правленія. Орловское Духовное Правленіе, хотя и не ставило своей специальной задачей выясненіе личности основателя секты, но въ тѣхъ многочисленныхъ допросахъ, которые были произведены имъ, ясно указывалось, что оскотленіе пошло отъ крестьянина Андрея Иванова Блохина и что, слѣдовательно, имъ дано было начало новой ереси.

¹⁾ *Кельсиевъ, В.* Сборникъ Правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ. Лондонъ, 1862, т. III, стр. 76.

²⁾ *Кутеновъ К.*, Секты хлыстовъ и скопцовъ. Казань 1883, стр. 116, 117.

³⁾ Таковы, напр., *К. Кутеновъ* (Секты хлыстовъ и скопцовъ). Казань. И *Рождественскій* (Чтенія, 1882 г., кн. I).

Однако, этихъ указаній, заключающихся въ дѣлопроизводствѣ Духовнаго Правленія оказалось недостаточно для полковника Волкова, командированнаго въ Орелъ для производства разслѣдованія о той же ереси. Въ именномъ Высочайшемъ указѣ отъ 2-го іюля 1772 года полковнику Волкову вмѣнялось въ обязанность прежде всего изыскать „кто сей ереси начинщикъ“. Полковникъ Волковъ долженъ былъ, такимъ образомъ, точно выяснитъ вопросъ объ основателѣ секты. Для него этотъ вопросъ стоялъ на прямой и опредѣленной формѣ. Естественно, что и отвѣтъ на этотъ вопросъ Волкову надлежало имѣть въ такомъ же прямомъ и опредѣленномъ видѣ. Однихъ указаній, хотя бы и довольно ясныхъ, для него было мало.

Вотъ почему Волковъ въ первомъ же засѣданіи Комиссіи, учрежденной имъ въ силу Именного Высочайшаго указа отъ 2-го Іюля, сдѣлалъ этотъ вопросъ предметомъ спеціальнаго разслѣдованія. Комиссія, руководимая полковникомъ Волковымъ, приступивъ къ разсмотрѣнію присланнаго изъ Орловскаго Духовнаго Правленія дѣла о новой сектѣ, сразу же обратила вниманіе на то, что въ этомъ дѣлопроизводствѣ нѣтъ прямого отвѣта на вопросы: „кто первый былъ скопленный, когда оное скопленіе у нихъ (т.е. новыхъ сектантовъ) началось и по какой причинѣ скопиться они стали“. Поэтому Комиссія тогда же постановила „призвавъ нѣкоторыхъ скопцовъ, о томъ оныхъ въ пополненіе прежнихъ допросовъ еще спросить“. Немедленно же въ Комиссію были вызваны изъ тюрьмы содержащіеся подъ стражей главные дѣятели новой ереси: *Андрей Ивановъ Блохинъ, Евсеій Гнъушевъ и Михайло Никулинъ*.

На предложенные Комиссіей вопросы Андрей Ивановъ Блохинъ показалъ слѣдующее: онъ, Блохинъ, первый въ сей ереси находящійся, оскопился и что прежде его никто не оскավивался; къ мысли о необходимости оскопленія онъ, Блохинъ, пришелъ такимъ путемъ: въ той вѣрѣ, къ которой онъ принадлежалъ, т.е. въ хлыстовщинѣ, было наискрѣпчайше заповѣдано не имѣть съ женщинами плотскаго совокупленія, такъ какъ въ этомъ заключается наитягчайшій грѣхъ; но такъ какъ человѣческая плоть, не смотря на то запрещеніе, принуждала иногда искать женскаго пола, отъ котораго и самое жестокое бичеваніе отвести не въ состояніи, то онъ, Блохинъ, послѣ размышленій и бесѣдъ съ близкими ему лицами окончательно остановился на мысли, что отъ грѣха того развѣ де однимъ только оскопленіемъ избавиться можно, чему нагляднымъ примѣромъ служить скотъ, который послѣ легчанія блуда уже не дѣлаетъ; придя къ такой мысли, онъ, Блохинъ, черезъ нѣсколько

времени послѣ бесѣды съ друзьями, когда возжелалъ плотскаго грѣха, для укрощенія своей плоти самъ себя оскопилъ раскаленнымъ желѣзомъ; оскопленіе совершилъ, находясь въ деревнѣ Богдановкѣ, въ домѣ крестьянина Осипа Степанова; послѣ него, когда стало извѣстно, что онъ оскопился и выздоровѣлъ, сами себя оскопили и его два товарища Никифоровъ и Никулинъ; въ дальнѣйшемъ скопчество начало распространяться исключительно отъ него, Блохина, и Кондратія Никифорова, а отъ оскопленія никто не умиралъ.

Этотъ допросъ Андрея Блохина подтвердили и другія призванныя въ Комиссію лица: Евсеій Гнѣушевъ и Михайло Никулинъ.

Полковникъ Волковъ и вообще вся Комиссія на этотъ разъ были вполне удовлетворены показаніями Андрея Блохина, подтвержденными его товарищами. Комиссія имѣла теперь вполне опредѣленный отвѣтъ на вопросъ—кто былъ зачинщикомъ скопчества. Сомнѣваться въ правдивости этихъ показаній она пока не имѣла никакихъ основаній и поводовъ. Вопросъ о зачинщикѣ секты или, что то же, объ основателѣ ея, былъ, такимъ образомъ, исчерпанъ. Комиссія признала, что эта роль принадлежала Андрею Иванову Блохину.

Впослѣдствіи Комиссія Волкова еще разъ обратилась къ этому вопросу. Въ предпоследнемъ своемъ засѣданіи она, между прочимъ, обсуждала составленный ея Канцеляріей „экстрактъ“ изъ дѣла о новой ереси или краткое извлеченіе изъ того обширнаго дѣлопроизводства, которое было результатомъ занятій Духовнаго Правленія и ея собственныхъ. При обсужденіи этого „экстракта“ выяснилось, что въ допросѣ, произведенномъ Духовнымъ Правленіемъ, Андрей Ивановъ Блохинъ сдѣлалъ одно такое показаніе, которое не совсѣмъ согласовалось съ тѣмъ, что имъ же было сказано на вторичномъ допросѣ его въ Комиссіи. На допросѣ въ Комиссіи онъ показалъ, что къ мысли объ оскопленіи онъ пришелъ совершенно самостоятельно, безъ всякаго сторонняго вліянія, въ допросѣ же въ Духовномъ Правленіи онъ заявилъ, что къ оскопленію его уговаривалъ крестьянинъ Михайло Никулинъ. Комиссія придавала этому противорѣчію въ показаніяхъ Андрея Блохина существенное значеніе. Здѣсь возникалъ вопросъ о томъ, кому же, собственно, первому принадлежала мысль о необходимости оскопленія: Андрею Блохину или Михайлѣ Никулину. Чтобы выяснитъ этотъ вопросъ Комиссія постановила допросить по этому поводу Михайлу Никулина. Введенный въ Присутствіе, послѣдній показалъ, что дѣйствительно онъ, Никулинъ, уговаривая Блохина

принять хлыстовскую вѣру, въ то же время совѣтывалъ ему и оскотиться. Комиссіи послѣ этого стало ясно, что первая мысль о необходимости оскотленія принадлежала не Андрею Иванову Блохину, она была высказана впервые другими людьми; на долю Андрея Блохина приходилось лишь осуществленіе ея на дѣлѣ, фактическое примѣненіе ея въ жизни.

Такимъ образомъ, значеніе Блохина, какъ родоначальника скопчества, показаніемъ Михайлы Никулина, повидимому, нѣсколько умалось. За нимъ, собственно, оставялась мужественная рѣшимость примѣнить на практикѣ то, что было признано необходимымъ для достиженія душевнаго спасенія. И несмотря, однако, на это, Комиссія все таки продолжала считать именно Блохина зачинщикомъ скопческой ереси, положившимъ ей начало и бывшимъ дѣятельнымъ ея распространителемъ. Въ „рѣшительномъ“ своемъ опредѣленіи, составленномъ по окончаніи разслѣдованія дѣла о новой ереси, Комиссія такъ именно и называетъ Андрея Блохина, котораго „яко зачинщика сего зла“, оно постановила наказать кнутомъ въ деревнѣ Богдановкѣ, гдѣ онъ болѣе всего изуродовалъ людей, а затѣмъ сослать его на вѣчную каторгу въ Нерчинскъ.

II.

Вопросъ о томъ, какъ вообще могла возникнуть мысль о необходимости физическаго оскотленія, выясненъ уже довольно подробно въ наукѣ. Но какъ изъ области чисто теоретической эта мысль могла перейти въ область реальной дѣйствительности,—этотъ вопросъ еще нуждается въ разъясненіи.

Скопчество вышло изъ нѣдръ хлыстовщины. Оно явилось результатомъ сознанія невозможности выполнить основное требованіе хлыстовскаго ученія физически нормальному человѣку. Самые ревностные и искренніе послѣдователи хлыстовщины должны были признать, что природа съ ея непреложными законами не можетъ быть побуждена однимъ усиліемъ воли. Естественнымъ послѣдствіемъ этого сознанія была мысль о необходимости прибѣгнуть къ уничтоженію самого „источника“ зла: нужно сдѣлать человѣка физически неспособнымъ творить наитягчайшій грѣхъ соитія съ женщиной, нужно удалить въ человѣкѣ тѣ его органы, которые ведутъ къ духовной гибели.

Теоретически, такимъ образомъ, это радикальное средство было найдено; единственно вѣрный способъ выйти изъ того тупика, въ ко-

торый загнала хлыстовъ физическая сторона человѣческаго существа, былъ открытъ. Но отъ теоріи до практики было еще далеко. Перешагнуть эту пропасть было чрезвычайно трудно. Трудность эта обусловливалась не только тѣмъ, что найденное средство неизбѣжно должно было соединяться съ физическими страданіями, но и тѣмъ, что въ простомъ, неразвитомъ сознаниі не было еще живой, исключяющей всякія колебанія, увѣренности въ жизненной дѣйственности выработанной теоретически мысли. Неразвитый человѣкъ живетъ больше аналогіями и примѣрами, которые даютъ ему силу и сообщаютъ увѣренность въ цѣлесообразности его поступковъ. Онъ нерѣдко отказывается осуществить свою мысль только потому, что не видитъ предъ собою соотвѣтствующаго примѣра, которому онъ могъ бы подражать. Подражаніе—болѣе легкій способъ жизненнаго дѣйствованія вообще и болѣе соотвѣтствующій степени умственнаго развитія простаго человѣка. А этихъ то примѣровъ и этихъ аналогій, на которыя можно бы опираться, у хлыстовскихъ мыслителей и не было. Исторіи они не знали, реальная же дѣйствительность окружающей человѣческой жизни была чужда тѣхъ аномалій, которыя теоретически возводились ими въ принципъ. Этихъ примѣровъ нужно было искать, объ этомъ нужно было еще думать. И неразвитое сознаниі хлыстовскихъ мыслителей стало усиленно работать въ поискахъ этихъ аналогій. Въ пестромъ многообразіи жизненныхъ явленій ищущій хлыстовскій умъ вскорѣ подмѣтилъ одно явленіе, которое могло быть полезнымъ для него. Хлыстовскіе наблюдатели, живя и дѣйствуя въ обстановкѣ деревенскихъ условій, обратили свое вниманіе на скоть, по отношенію къ которому уже съ давнихъ поръ практиковался способъ хирургическаго уничтоженія животной способности продолженія рода. Обративъ вниманіе на это явленіе, хлыстовскій умъ вскорѣ же призналъ въ немъ ту аналогію, которая была необходима для осуществленія созданнаго имъ принципа. Хлыстовскіе мыслители взяли за образецъ домашній скоть, „который по легчаніи, блуда уже не творить“. Теперь оставалось только одно: продѣлать надъ человѣкомъ самый актъ оскотленія, теперь нужно только мужество сознательно подвергнуть себя физическому уродованію. Андрей Ивановъ Блохинъ первый показалъ примѣръ этого мужества.

Такъ просто и вполне самобытно возникла и созрѣла въ простомъ умѣ крестьянина мысль объ оскотленіи, какъ единственно вѣрнымъ средствѣ избавиться отъ грѣха. Любопытно отмѣтить при этомъ, что мысль хлыстовскихъ мыслителей въ своихъ блужданіяхъ при рѣшеніи вопроса о способѣ избавленія отъ главнаго грѣха отправлялась не отъ Священнаго Писанія; основаніемъ мысли о дѣйственности фи-

зическаго оскотленія были не слово Божіе, а простыя жизненныя наблюденія, обыденные факты дѣйствительности. Тексты Священнаго Писанія стали приводиться скопцами въ подтвержденіе истинности своего ученія лишь въ послѣдствіи.

Если теперь обратиться къ найденнымъ нами документамъ, то можно будетъ хронологически прослѣдить, хотя, конечно, только съ приближенною точностью, этотъ процессъ возникновенія и назрѣванія мысли о физическомъ оскотленіи, какъ необходимомъ условіи достиженія спасенія. Въ многочисленныхъ допросахъ, произведенныхъ въ Духовномъ Правленіи, содержится немало указаній, могущихъ служить матеріаломъ для такихъ хронологическихъ вычисленій. Но особенно важное значеніе въ этомъ отношеніи можетъ имѣть допросъ самого основателя ереси—Андрея Иванова Блохина. На допросѣ онъ показалъ слѣдующее.—

Рожденіе и воспитаніе его было въ вотчинѣ бывшаго генерала Степана Ѳеодоровича Апраксина, въ селѣ Брасовѣ, Сѣвскаго уѣзда. Отъ роду ему тридцать лѣтъ. Какъ пришелъ въ возрастъ лѣтъ до четырнадцати, изъ того села Брасова бѣжалъ, но не упомнить, какого именно года, мѣсяца и числа, а только послѣ Николы вешняго. Убѣжавъ изъ Брасова, пришелъ въ мѣстечко Дмитріевку, гдѣ присталъ къ двумъ нищимъ: слѣпой женщинѣ и бывшему при ней поводырю мужского пола, а какъ звать ихъ—онъ не знаетъ. Съ ними онъ, Блохинъ, отправился изъ Дмитріевки къ Коренной ярмаркѣ въ Курскъ, гдѣ пробылъ до ея окончанія; а затѣмъ пошелъ съ тѣми же товарищами тоже на ярмарки въ Новосельскій, Бѣлевскій и Мценскій уѣзды. Такъ онъ скитался въ теченіе шести лѣтъ, питаясь мірскимъ подаяніемъ. Переходя съ одного мѣста на другое, дошелъ до Полосья и попалъ въ Козельскій уѣздъ, въ село Кудрявецъ. Здѣсь онъ пришелъ въ домъ крестьянина Мелентія Наумова, прося у него ночлега. Тотъ пріютилъ его. Во время пребыванія въ домѣ Наумова, онъ, Блохинъ, въ разговорѣ съ хозяиномъ узналъ, что въ вотчинѣ генерала Сергѣя Михайлова Нарышкина, въ селѣ Троснѣ, Орловскаго уѣзда, есть учитель вѣры крестьянинъ Михайло Никулинъ, который де училъ всякаго къ нему приходящаго о томъ, какъ достигнуть живота вѣчнаго и спастись. Подъ вліяніемъ разговора съ Наумовымъ, Блохинъ возжелавъ спасеніе получить, отправился въ село Тросно, нашель здѣсь домъ Никулина и выпросился у него пожить, „для того наученія, какъ бы спастись.“ И живя здѣсь, слушалъ наставленія Никулина, который училъ, „чтобъ пива и вина не пить и грѣха тяжкаго не творить,—съ женами не спать,

по скачкамъ и по игрищамъ не ходить, матерно не браниться; оное де есть святое и праведное дѣло: молодцамъ не жениться, а дѣвкамъ замужъ не ходить, а женившимся съ женами плотски не совокупляться, женамъ спать на ложѣ, а мужу на другомъ, чего де ради надлежитъ всякому, хотящему спастися и пребывающемуся въ такой вѣрѣ, скопиться.“ Воспринявъ отъ Никулина это ученіе, оставилъ село Тросно и пришелъ въ деревню Богдановку, принадлежавшую полковнику Александру Александровичу Турчанинову, гдѣ остановился въ домѣ крестьянина Осипа Степанова, съ которымъ былъ знакомъ, какъ съ участникомъ хлыстовской ереси, когда тотъ бывалъ у Никулина на моленіяхъ. И здѣсь, въ избѣ, гдѣ происходили таковыя же моленія, самъ себя оскопилъ раскаленнымъ желѣзомъ, „самъ отжегъ тѣ тайныя уды себѣ“, въ этой же избѣ онъ, Блохинъ, лежалъ послѣ оскотленія девять дней подъ присмотромъ того же Осипа Степанова, который зналъ, что Блохинъ оскотился.

Эти показанія Андрея Иванова Блохина даютъ возможность приблизительно въ такомъ видѣ установить хронологическую послѣдовательность главныхъ событій жизни основателя скопчества и вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдить развитіе основныхъ моментовъ происхожденія и развитія мысли о физическомъ оскотленіи.

Въ 1772 году, когда происходилъ допросъ Андрея Иванова Блохина, ему было 30 лѣтъ. Слѣдовательно, онъ родился около 1742 года. Когда ему исполнилось 14 лѣтъ, т. е. около 1756 года, онъ бѣжалъ изъ родного села и началъ бродячую жизнь. Что заставило его бѣжать изъ родного села—точно неизвѣстно; но, кажется, что къ этому побудило его желаніе избавиться отъ рекрутскаго набора. Бродячая жизнь въ обществѣ „слѣпыхъ“, этихъ потомковъ „каликъ переходжихъ“, давала большую пищу его неразвитому уму и впервые поставила предъ нимъ вопросъ о личномъ спасеніи. Бродячая жизнь Блохина продолжалась шесть лѣтъ, т. е. до 1762 года. Въ 1763 году онъ попалъ въ село Кудрявецъ, Козельскаго уѣзда, Калужской губерніи и остановился у крестьянина Мелентія Наумова. Здѣсь мы видимъ Блохина уже въ качествѣ „ищущаго наученія“, вопросъ о спасеніи сталъ принимать у него, очевидно, острую форму. Какъ долго пробылъ Андрей Ивановъ Блохинъ у Наумова—сказать трудно. Но, вѣроятно, въ этомъ же году онъ оставилъ село Кудрявецъ и попалъ въ село Тросно. Въ этомъ послѣднемъ селѣ онъ пробылъ, несомнѣнно, довольно долго, такъ какъ ему нужно было научиться, какъ бы спастись, а для такого „наученія“ требовалось продолжительное время: ему нужно было не только

выслушивать наставленія Никулина, но и принимать участіе въ молитвенныхъ собраніяхъ хлыстовъ, каковыя собранія, по условіямъ того времени, происходили, конечно, рѣдко. У Никулина, вѣроятно, въ качествѣ работника Блохинъ жилъ не меньше пяти лѣтъ. Здѣсь онъ окончательно сталъ хлыстомъ, здѣсь же впервые была воспринята имъ мысль о необходимости оскотленія. Отъ Никулина онъ ушелъ, вѣроятно, въ началѣ 1769 года и пришелъ въ Богдановку къ крестьянину Оситу Степанову, въ избѣ котораго вскорѣ же и оскотилъ себя.

Мысль о необходимости оскотленія, такимъ образомъ, была осуществлена въ 1769 году. Съ этого именно года и нужно начинать исторію скопчества, какъ ереси.

Устанавливаемая нами дата начала скопческой ереси находитъ себѣ подтвержденіе и въ прямыхъ указаніяхъ, заключающихся въ найденныхъ нами документахъ. Въ „краткомъ экстрактѣ изъ дѣла о нѣкоторой новаго рода ереси“, составленномъ Комиссіей полковника Волкова говорится, между прочимъ: „скопленіе же началось тому нынѣ четвертый годъ“. Въ „экстрактѣ“ же, составленномъ самимъ Волковымъ и представленнымъ имъ Государынь Императрицѣ, мы находимъ болѣе точное опредѣленіе даты возникновенія скопчества. Здѣсь мы читаемъ: „что жъ принадлежитъ до оскотленія, то онаго у сихъ раскольниковъ до 1769 года въ употребленіи совсѣмъ не было; хотя всегда почитали они за весьма святое и праведное дѣло, чтобъ холостые не женились, дѣвки не ходили замужъ; а женившіеся съ женами своими жили порознь, пребывая всегда дѣвственниками и дѣвственницами. А въ томъ году Сѣвскаго уѣзда, села Брасова, вотчины покойнаго генералъ-фельдмаршала Степана Ѳедоровича Апраксина бѣглый крестьянинъ Андрей Блохинъ первый, чтобъ пребыть отъ плотскаго вождѣленія навсегда свободнымъ, самъ себя, не сказавъ о томъ никому, раскаленнымъ желѣзомъ оскотилъ.“*)

III.

У Андрея Иванова Блохина, какъ мы уже видѣли, былъ близкій „товарищъ“ *Кондратій Никифоровъ*. Этотъ Кондратій Никифоровъ и есть тотъ Кондратій Селивановъ, котораго теперь обычно называютъ основателемъ скопческой ереси.

---

*) Дѣла Прав. Сената по I Департаменту, кн. № 361/3932, л. 57, об.

Кондратій Никифоровъ былъ бѣглымъ крестьяниномъ вотчины князей Кантемировъ, Сѣвскаго уѣзда, села Столбища. Родился онъ въ 1742 году. Отца Кондратія звали Никифоръ; слѣдовательно, названіе его Никифоровымъ есть его отчество, но не фамилія. Въ 1757 году онъ бѣжалъ изъ Столбища вѣроятно по той же причинѣ, какъ и Андрей Ивановъ Блохинъ. Соединившись съ Андреемъ Блохинымъ, вѣроятно, въ Дмитріевкѣ, Кондратій съ этихъ поръ начинаетъ такую же бродячую жизнь и испытываетъ такія же переживанія, какъ и Андрей Блохинъ.

Когда Кондратій Никифоровъ узналъ, что Андрей Блохинъ оскотилъ себя, то и онъ, взявъ также желѣзо, сталъ скопляться, „только отъ робости самъ уды свои отжечь не могъ“. Довести до конца болѣзненную операцію помогъ ему Андрей Блохинъ, который „то увидѣлъ и, взявъ желѣзо, раскала въ печи, тѣ его уды отжегъ“.

Оскотившись, Кондратій Никифоровъ начинаетъ дѣятельную пропаганду новаго ученія. И въ эту раннѣйшую пору существованія скопчества онъ играетъ такую же роль, какъ и Андрей Блохинъ. Андрей Блохинъ и Кондратій Никифоровъ—были тѣми двумя „мастерами“, отъ которыхъ скопчество широкой волной стало распространяться въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній: Орловской, Калужской, Тульской и Тамбовской.

Въ 1772 году Андрей Ивановъ Блохинъ былъ пойманъ въ деревнѣ Богдановкѣ, въ домѣ однодворца Тимофея Жиронкина и приведенъ въ Орловское Духовное Правленіе для допроса. Но Кондратій Никифоровъ былъ, очевидно, хитрѣй Блохина. Слѣдственной власти не удалось схватить его на этотъ разъ, несмотря на весьма дѣятельные поиски его.

Въ руки правительственной власти онъ попадаетъ лишь въ 1775 году, когда, по доносу священниковъ села Сосновки Герасима Лазарева и Ивана Емельянова, возникаетъ второе слѣдственное дѣло о скопцахъ.

Если Андрея Иванова Блохина должно называть фактическимъ основателемъ скопчества, то Кондратія Никифорова по всей справедливости нужно считать теоретическимъ идеологомъ скопческой ереси, ея организаторомъ, придавшимъ ей характеръ самостоятельнаго религіозно-изувѣрскаго сообщества.

Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ подробными свѣдѣніями, относящимися именно къ этой сторонѣ его дѣятельности. Намъ удалось

найти только одинъ документъ, который проливаетъ небольшой свѣтъ на этотъ вопросъ. 18 июня 1775 года Св. Синодъ препроводилъ Правительствующему Сенату доношеніе Тамбовскаго епископа Θεодосія, въ которомъ этотъ послѣдній увѣдомлялъ Синодъ, что въ селѣ Сосновкѣ появилось новое суевѣріе, состоящее въ томъ, что въ сказанномъ селѣ многіе люди собираются по ночамъ въ домъ къ дворцовому крестьянину Сафону Попову, гдѣ называющійся Кіевскій затворникъ читаетъ яко бы къ пользѣ душевной вечерю..., учитъ, чтобъ воздержаться отъ пьянства, отъ блуда и плотскихъ страстей и съ женами тѣлеснаго совокупленія не имѣть. А послѣ ученія поетъ псалмы. Затворника того называютъ батюшкой и милымъ отцомъ и кланяются ему перекрестясь, цѣлуютъ у него руки, а онъ, будучи раздѣтъ и нагой, въ одной долгой рубашкѣ, подпоясанный сидитъ въ переднемъ углу подъ образами, предъ которыми горятъ по три свѣчи, а передъ нимъ мальчикъ лѣтъ 14-ти читаетъ его сочиненія. А послѣ оный затворникъ, вставъ, ходитъ посреди ихъ, вертяся по солнцу кругомъ, за коимъ и всѣ собранные ходятъ. Кто же къ нимъ пристанетъ въ ихъ суевѣріе, того приводятъ къ тому затворнику, сидящему впереди, а онъ, взявъ отъ образовъ крестъ, приходитъ къ оному, а приведенный поклоняется ему, перекрестясь, въ ноги и цѣлуетъ руки. И посидѣвъ до полуночи, расходятся по домамъ.

„Онъ же, затворникъ, поучая и толкуя имъ вышепредписанное напечатанное о обрѣзаніи плоти, всѣхъ находящихся въ ихъ вѣроученіи муштинъ для воздержанія о нетвореніи блуда и неимѣннн съ женами совокупленія, обрѣзываетъ у нихъ незнаемо какимъ инструментомъ совсѣмъ тайные уды“.

Какъ видно, Кондратій Никифоровъ уже и въ этотъ раннѣйшій періодъ исторіи скопчества старался обосновать свое ученіе теоретическими соображеніями, доказать справедливость его книжными доводами. Но этого мало. Кондратій не довольствуется только печатными произведеніями, въ которыхъ онъ черпаетъ нужныя ему доказательства, онъ составляетъ свои собственныя сочиненія. Уже и въ этотъ періодъ Кондратій начинаетъ употреблять тѣ приемы, которые такъ импонировали на его приверженцевъ впоследствии. Его торжественное сидѣніе въ переднемъ углу, чтеніе его сочиненій мальчикомъ—все это, очевидно, начальные элементы въ развитіи того образа поведенія, который былъ присущъ ему въ эпоху его прославленія.

Н. Г. Высоцкій.